

С.Н. ФОЛОМЕЕВ

**НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА
В КОНЦЕПЦИЯХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ**

В статье представлен анализ народнических и анархистских леворадикальных концепций общественного развития России второй половины XIX века, в основу которых при всём их разнообразии подходов к преобразованию общества положен один доминирующий принцип – насилие.

Ключевые слова: *народнические и анархистские леворадикальные концепции, Россия, насилие*

Фоломеев Сергей Николаевич - доцент кафедры международного права и политологии, Самарский государственный экономический университет. E-mail: cissime@yandex.ru

S.N. FOLOMEEV

**VIOLENCE AS A WAY OF TRANSFORMING SOCIETY
IN THE CONCEPTIONS OF THE PRECURSORS
OF RUSSIAN SOCIAL DEMOCRACY:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE PROBLEM**

The article presents an analysis of the populist and left radical anarchist conceptions of social development in Russia in the second half of the XIX century, which are based on one dominant principle (with all their diversity of approaches to the transformation of the society) – violence.

Keywords: *populist and left radical anarchist conceptions, Russia, violence*

Folomeev Sergej Nikolaevich - assistant professor at the Department of International Law and Politology, Samara State Economical University. E-mail: cissime@yandex.ru

Насилие как способ разрешения существовавших в обществе проблем широко применялся во все века и во всех странах. Порой этому давалось определённое теоретическое обоснование. Во второй половине XIX века в России сформировались общественно-политические теории, в основу которых было положено насилие как способ достижения справедливого общественного устройства. В значительной степени это объяснялось тем, что в России отсутствовали демократические традиции решения социальных конфликтов. Значимость этих идей и роли насилия в них побуждают нас остановиться на этом вопросе подробнее, усматривая здесь истоки вакханалии насилия, захлестнувшей позднее российское общество. Целью данной статьи является исследование роли насилия в концепциях народничества и анархизма в России во второй половине XIX века, послуживших основой будущего тоталитарного строя.

Вопросам насилия и терроризма в этот период посвящено большое количество работ. Следует отметить авторов современных диссертационных исследова-

ний этой проблемы – О.В. Будницкий, А.С. Желенин, А.Г. Кузьмин, Н.К. Орлова, О.Н. Щенникова, И.А. Камынин, Ю.А. Матвеева. Однако мало кто рассматривал взаимосвязь насилия в этот период с достижением будущего справедливого общественного устройства.

Особенно бурное развитие теория и практика применения насилия в отношении власти получили после отмены крепостного права в 1861 г., когда самодержавие оказалось вынужденным освободить крестьян от личной крепостной зависимости, несколько ослабив практику применения насилия в отношении своих подданных. Последующие либеральные реформы не сняли остроты противостояния. Накопленная веками критическая масса недовольства властью требовала выхода. Одним из первых представителей революционных народников, не согласившимся с результатами реформы 1861 г. и активно выступившим за низвержение самодержавия, был П.Г. Зайцевский. В своей прокламации «Молодая Россия», получившей широкое распространение, он призывал к револю-

ции «кровавой и неумолимой», в которой «прольётся река крови», «погибнут невинные жертвы». Предвидя вероятность масштабной гражданской войны, он, тем не менее, призвал к революции, которая «должна изменить радикально всё, все без исключения основы современного общества», не ставя при этом конкретных задач его преобразования, и, очевидно, полагая, что всё произойдёт само собой. Предостерегая колеблющихся и запугивая нежелающих участвовать в кровавых событиях, П.Г. Зайчневский говорил: «Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами» [8, с. 333-334]. Позднее эта мысль неоднократно встречается у В.И. Ленина и И.В. Сталина. Насилие рассматривалось ими как необходимый элемент революции, применимый к противникам и колеблющимся.

Его приемник и последователь Д.В. Каракозов, создавший со своими единомышленниками кружок «Организация», также полагал необходимым свершение революции и устройство общества на социалистических началах. Насилие он рассматривал не только как элемент революции, но и как способ ее подталкивания, средство добывания необходимых материальных средств, контроля над образом мыслей и действий, средство обеспечивающее рост популярности членов революционного сообщества и его вожаков. Члены кружка «Ада», осуществлявшие такой контроль, намеренно опускались морально. Чтобы отвлечь от себя подозрения, они должны были стать пьяницами, взяточниками, негодяями, доносчиками, отказаться от семейных уз и друзей, целиком подчинив себя делу революции, «средоточить в себе ненависть и злобу ко злу и жить и наслаждаться этой стороной жизни» [2, с. 38-41]. Диапазон применения насилия расширяется. По мнению Д.В. Каракозова, его необходимо осуществлять не только по отношению к врагам революции, но и к её сторонникам, включая вождей, к самим членам кружка «Ада» – внутренней инквизиции сообщества. Парадокс заключается в том, что насилие распространяется на всех членов общества (хотя и в разной степени), а они при этом должны быть счастливы.

С.Г. Нечаев довёл насилие по отношению к обществу и каждому его члену, не исключая и самих революционеров, до совершенства, откинув все моральные нормы, привычки, привязанности, подчинив всех и вся делу революции. Единственная цель его – свершение революции и «полнейшее освобождение и сча-

стье народа, то есть чернорабочего люда» [1, с. 43-58]. Для приближения этой цели необходимо способствовать развитию и усилению всех бед и зол, которые должны вывести народ из терпения и побудить его к восстанию. Принцип «чем хуже – тем лучше» был позднее востребован и применён на практике Г.В. Плехановым, В.И. Лениным и его соратниками.

У В.И. Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и тяжело ранившей его, террор предстаёт как «следствие чувства оскорблённой справедливости», средство защиты личности от насилия и беззакония. В.И. Засулич объяснила свой поступок незаконным приказом последнего применять телесные наказания к политическим заключённым. По мнению С.М. Степняка-Кравчинского, «она была ангелом мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на заклятие, чтобы смыть с партии позорное пятно обиды» [5, с. 388]. «Просвещенное общество» более чем сочувственно встретило оправдательный приговор, вынесенный судом присяжных под председательством А.Ф. Кони. Впоследствии примкнув к социал-демократам, она выступила с критикой терроризма, но отнюдь не насилия.

Убийца шефа жандармов Н.В. Мезенцова С.М. Степняк-Кравчинский рассматривал насилие со стороны революционеров не только как средство «самозащиты», к которой они вынуждены прибегать, так как свобода и личность в тех условиях не были застрахованы от произвола, но и как способ дестабилизации империи, создание «электрической атмосферы энтузиазма» [5, с. 388].

Единомышленник С.М. Степняка-Кравчинского, один из руководителей «Земли и воли», Н.А. Морозов рассматривал политическое убийство не только как акт мести и единственное средство самозащиты, но и как «один из лучших агитационных приёмов», как эффективное систематическое средство политической борьбы, которую он назвал «террористической революцией». Она, по его мнению, представляла собой «самую справедливую из всех форм революции... и в то же время и самую удобную её форму», так как казнила только действительно виновных и не распространяла насилие на широкие слои общества, что является неизбежным в массовом революционном движении. Веря в то, что террористическое движение в России способно совершить перелом в истории революционной борьбы, он отмечал, что оно «немедленно прекратится, как только социалисты

завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия (т.е. конституцию), после чего основные усилия будут направлены на пропагандистские формы работы, которые приведут к восстанию и устройству нового общества на началах свободы и справедливости» [2, с. 91-109]. В программе Исполнительного Комитета «Народной воли» террор окончательно закрепляется как одно из средств борьбы против правительства, расчищающее путь революции [2, с. 91-109].

У П.Н. Ткачёва насилие (революционный терроризм) – это уже единственное средство освобождения верноподданных «из-под гнёта оболванивающего и оскопчивающего их страха», разрушающее иллюзию неприкосновенности самодержавия, способное нравственно переродить холопа в гражданина [3, с. 143-154]. Он призывает «делать революцию. Как кто может и умеет» [6, с. 261], «делать революцию и делать её как можно скорее» [7, с. 262]. Для осуществления этой цели необходима «организация, как средство, терроризирование и уничтожение существующей правительственной власти, как ближайшая насущная цель – такова должна быть в настоящее время единственная программа деятельности всех революционеров» [6, с. 265].

Программа террористической фракции «Народной воли», написанная А.И. Ульяновым, рассматривала террор как способ разрешения противоречий между самодержавием и интеллигенцией, представлявшей, по его мнению, интересы народа. Как и их предшественники, они считали необходимым прибегнуть к террору лишь при отсутствии возможности мирной борьбы за свои идеалы. Но насилие они рассматривали не только как вынужденную меру, но и как полезную во многих отношениях, так как оно «поднимает революционный дух, даёт непрерывное доказательство возможности борьбы, подрывая обаяние правительственной силы, сильно действует пропагандистским образом на массы» [4, с. 157-161]. Но в отличие от революционеров прежних поколений, признававших только борьбу с центральным правительством, народовольцы считали необходимым и местные террористические протесты, при подготовке и осуществлении которых централизация казалась им излишней и трудно осуществимой [4, с. 157-161]. Сама жизнь, по мнению автора программы, будет управлять ходом террора и масштабами его применения. Таким образом, правом на террор наделяется практиче-

ски каждый недовольный властью. Нравственные устои террористов при этом не обсуждались. В целом же для этого периода революционного движения было характерным применение насилия к представителям власти, виновным в страданиях народа, и недопустимость его осуществления в отношении ни в чём не повинных людей. Не оправдывая террористов и не поэтизируя их деятельность, следует всё же отметить, что сами террористы готовы были принять мученическую смерть во имя своих убеждений, отдать свою жизнь во имя освобождения от деспотизма порабождённого народа.

За террор выступали социалисты-федералисты, полагая, что «дворцовая или городская революция» могут привести к смене одной деспотии другой. Оптимальный путь – система террористических действий [4, с. 157-161]. Безусловно, за террор были эсеры, наследники идей и практики действий «Народной воли». С методологической точки зрения террор осуждали большевики, но зачастую использовали его как средство пополнения партийной кассы, обеспечения деятельности партийных функционеров, постановки типографий и распространения нелегальной литературы, необходимое условие покупки оружия, как способ нагнетания напряжённости в обществе, подталкивания масс к вооружённому восстанию и т.д. С точки зрения марксизма терроризм изолирует революционную партию, мешает её организации и политическому воспитанию рабочих. Они выступали за революцию. Но в революции больше насилия, больше жертв, чем при террористических актах. На это не раз указывал эсеровский теоретик и лидер партии В.М. Чернов, критикуя большевиков. Тем не менее, это, как покажут последующие события, несколько не смущало их.

Насилие в самых изощрённых формах творила центральная и местная власть – преследования за веру, расправы с политическими инакомыслящими, провоцирование межнациональных столкновений и т.д. Становится понятным, почему дальнейшее преобразование российского общества шло преимущественно через физическое насилие: начиная с октябрьского переворота 1917 года и кончая серединой 50-х годов XX века. В последующие годы и вплоть до сегодняшнего дня насилие над личностью в большей степени осуществлялось в других формах: экономическое, социальное, культурно-информационное, религиозное и т.д. Поэтому наше общество органически при-

выкло к насилию, считает его вполне допустимым и оправданным. К «рыночному» обществу мы также идём через насилие, мало заботясь об учёте интересов и потребностей различных слоёв общества, не стремясь их гармонизировать, а навязывая одним волю других, не сглаживая экономические, этнические, социальные конфликты, а обостряя их.

Но насилие в определённой степени может расчистить почву для будущего, однако создать новое принципиально иное справедливое общество оно не в состоянии, т.к. не связано со свободой и творчеством, главными побудительными мотивами созидательной деятельности. Последствия длившегося более 70 лет в России социального эксперимента подтверждают правоту этих слов. Негативные результаты творившегося над людьми многие десятилетия насилия в значительной степени не осмыслены обществом до сих пор.

Список литературы

1. Будницкий О.В. Теоретическое убийство: С.Г. Нечаев и его «Катехизис революционера» // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: 2-е изд., доп. и перераб. Автор-составитель О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 576 с.
2. Из показаний Н.А. Ишутина в следственной комиссии о покушении на жизнь его императорского величества 4 апреля 1866 г. от 29.05.1866 г. // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: 2-е изд., доп. и перераб. Автор-составитель О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 576 с.
3. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: 2-е изд., доп. и перераб. Автор-составитель О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 576 с.
4. Программа террористической фракции партии «Народная воля» (фрагмент) // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: 2-е изд., доп. и перераб. Автор-составитель О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – С. 157-161.
5. Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия // Соч. в 2-х т., Т. 1. – М.: Советская Россия, 1958. – 575 с.
6. Ткачёв П.Н. Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперёд», апрель 1874 г. // История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под ред. Н. Карпова и М. Мартынова. – Т. 2. – Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1926. – С. 261.
7. Ткачёв П.Н. Что же теперь делать? «Набат». – Лондон, 1879. – №№ 3, 4, 5 // История классовой борьбы в России в материалах и документах. – С. 262.
8. Утопический социализм в России: Хрестоматия. – М.: Политиздат, 1985. – 590 с.